

"ПРОБУЖДЕНИЕ"

Ольга Ефимова

18+

Ольга Ефимова
"ПРОБУЖДЕНИЕ"

«Автор»

2026

Ефимова О.

"ПРОБУЖДЕНИЕ" / О. Ефимова — «Автор», 2026

В маленьком провинциальном городке Заозёрный находят тело женщины. Она лежит на скамейке в парке, глаза закрыты лепестками красного мака, на груди – свежий цветок. Третью убийца приносит прямо в морг. Серийный убийца, которого прозвали «Садовником» В Заозёрный приезжает следователь из областного центра Ева Стрельцова – лучший эксперт по ритуальным убийствам. Она цинична, одинока и одержима работой. Но личная травма делает её уязвимой: пять лет назад бесследно исчезла её старшая сестра Тамара. Ева подозревает, что эти преступления – не случайность. Убийца явно знает свои жертвы: все они – женщины, которые забирали заявления о домашнем насилии и мирились с палачами. Расследование превращается в опасную игру. Ева находит связь между убийствами, тeneвым братством «садовников» и собственным отцом, покончившим с собой десять лет назад. Чтобы спасти себя и найти сестру, ей придётся переступить через закон, предать коллег и взглянуть в лицо истине, которая страшнее любого убийства.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	5
Глава 1. Первый мак	7
Глава 2. Тот, кто остался	13
Глава 3. Приезжая	19
Глава 4. Личная травма	25
Глава 5. Местные улики	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ольга Ефимова

"ПРОБУЖДЕНИЕ"

Глава

Пролог

Она ещё дышала, когда он положил мак на её грудь.

Это был последний жест — самый важный. Лепестки, похожие на запёкшуюся кровь, чуть дрогнули от слабого движения грудной клетки. Женщина не открывала глаз: препарат уже сделал своё дело, утянув её в тёплую, безразличную темноту. Она не чувствовала ни страха, ни боли — только медленное растворение, будто она таяла, как утренний туман над озером.

Он поправил цветок. Красный мак должен лежать строго вертикально, чашечкой к подбородку. Так учат в старых руководствах по бальзамированию, которые он выменял когда-то у букиниста за пачку сигарет. Не то чтобы он верил в ритуалы. Просто порядок успокаивал. Когда мир вокруг превращается в хаос из криков, синяков и замятых заявлений, маленькая капля симметрии становится спасением.

Он выпрямился. Скамейка в городском парке промокла от вечерней росы, но женщине уже всё равно. Её звали Ирина Сергеевна. Сорок два года. Учительница литературы. Муж — бывший военный, трижды привлекался за побои, дважды — «за примирением сторон». Ирина Сергеевна писала заявления, а потом приходила в участок и говорила, что «сама виновата, сама довела». В последний раз — две недели назад. Тогда соседка вызвала полицию из-за криков за стеной. Приехал наряд, составил протокол. Ирина Сергеевна отказалась от госпитализации. «У нас всё хорошо, — сказала она, прямая, как доска, с разбитой губой. — Он просто устал на работе».

Он помнил её лицо. Он помнил лица всех.

Пальцы скользнули в карман куртки, нащупали ампулу — пустую, уже использованную. Он аккуратно завернул её в носовой платок: никаких следов. Никаких улик. Только мак. Мак, который ничего не доказывает, потому что маки продаются в каждой цветочной лавке. Мак, который не оставляет ДНК. Мак, который говорит лишь одно: *ты заслужила покой*.

Вдалеке залаяла собака. Он поднял воротник и зашагал прочь, не оборачиваясь. Шаги его были бесшумными — привычка, выработанная годами работы на скорой, где нужно подходить к постели больного так, чтобы не напугать раньше времени. Сейчас он никого не боялся. В этом городе, где все знают друг о друге и молчат, бояться нечего.

Молчание — лучший сообщник.

У выхода из парка он задержался на секунду, достал из пачки одну сигарету, но не закурил. Просто поднёс к носу, вдохнул запах табака, смешанный с горьковатым ароматом, который намертво въелся в пальцы. Мак. Сладкий, чуть приторный, с привкусом смерти. Говорят, в древности маковым отваром поили тех, кто видел слишком много ужасов, чтобы жить дальше. Он давал им забвение. Теперь он даёт его другим.

Сигарета сломалась. Он выбросил её в урну.

— Спи спокойно, Ирина Сергеевна, — тихо сказал он в темноту. — Ты больше никогда не проснёшься от его криков.

И вышел на безлюдную улицу, оставив тело на скамейке — аккуратное, чистое, почти красивое. Через несколько часов его найдёт утренний патруль. Поднимут шум. Будут искать маньяка, психопата, чудовище. Никто не скажет: «Спасибо».

Но он и не ждал благодарности.

Он ждал только одного: чтобы красные маки цвели там, где раньше цвела только боль.

Город Заозёрный

Октябрь, два часа ночи

Глава 1. Первый мак

Город Заозёрный просыпался неохотно, как старик, которому уже некуда спешить. Октябрьское утро выползло из-за крыш мутное, холодное, с запахом мокрой листвы и угольного дыма из старых котельных. Дождь кончился ещё затемно, но асфальт блестел, и лужи в выбоинах выглядели как зеркала, в которые никто не хотел смотреться.

Капитан Дмитрий Круглов терпеть не мог утренние вызовы.

Он сидел в патрульной машине, грея руки о кружку с остывшим кофе, и слушал, как сержант Сысоев на пассажирском сиденье пересказывает содержание вчерашнего матча. Сысоев был молод, полон энтузиазма и почему-то считал, что Круглова интересуют голевые передачи. Круглова не интересовало ничего, кроме сна, которого он недополучил из-за звонка дежурного в шесть утра.

— Говорят, центральный нападающий в этом сезоне — зверь, — Сысоев восхищённо цокал языком, листая телефон. — Девять голов в пяти матчах. Вы представляете, Дмитрий Борисыч?

— Не называй меня Дмитрий Борисыч, — устало ответил Круглов. — Я тебя старше всего на семь лет.

— Так привычнее. По уставу.

— По уставу сержант обращается к капитану по званию или по имени-отчеству. Но я разрешаю просто Димой. На вы. И хватит про футбол.

Сысоев обиженно замолчал, но ненадолго. Он был из тех людей, для которых тишина была врагом. Ему требовалось постоянно издавать звуки: перебирать ключами, постукивать пальцами по приборной панели, насвистывать что-то из репертуара, который Круглов не узнавал и не хотел узнавать.

— А чего мы вообще здесь стоим? — спросил Сысоев через минуту. — Вон уже полвосьмого. Пора бы кофе нормального выпить, а не этой бурды из термоса.

— Ждём.

— Чего?

Круглов не ответил. Он сам не знал чего. Просто было чувство, что утро не задалось с самого начала. Обычно в его работе рутина перемежалась с редкостной скукой: пьяные драки в пятницу вечером, кражи из магазинов, домашние дебоши, которые заканчивались примирительными протоколами. Заозёрный — маленький город, сорок тысяч населения, все друг друга знают. Здесь не случилось ничего такого, что могло бы взволновать областную прессу. И это Круглова вполне устраивало.

Он перевел взгляд на парк.

Парк имени 30-летия Победы был главным зелёным пятном Заозёрного. Летом там былолюдно: мамочки с колясками, пенсионеры на лавочках, влюблённые парочки у фонтана, который работал раз в неделю по техническим причинам. Осенью парк пустел. Дорожки покрывались прелыми листьями, фонари горели тускло (их и летом-то не чинили), скамейки чернели от сырости. Местные обходили парк стороной после девяти вечера — не потому что боялись, а потому что там было тоскливо и холодно.

Звонок поступил в 5:47. Патрульный Ершов, который нёс ночное дежурство, обнаружил тело.

Круглов уже отправил Ершова на выезд оформлять протокол, а сам остался ждать начальника. Полковник Горелов был человеком старой закалки: он считал, что если случилось убийство (а это выглядело как убийство, хотя точных подтверждений пока не было), то на месте должны присутствовать все, включая, возможно, собаку-ищейку, которую Горелов требовал завести ещё три года назад. Собаку не завели. Горелов ворчал, но обходился людьми.

— Приехал, — сказал Сысоев, глядя в зеркало заднего вида.

Чёрный «УАЗ» начальника полиции вкатился на парковку, неуклюжий и важный, как бегемот. Круглов вздохнул, допил остатки кофе, поморщился — горько, холодно, мерзко — и вылез из машины.

Горелов выбирался из «УАЗа» медленно, с достоинством человека, чей вес давно перевалил за центнер, а одышка стала привычным спутником. Он был в парадном кителе, хотя до парада было далеко, — это означало, что он уже знал: случай серьёзный. Местное телевидение может приехать. Может, даже городская газета. Горелов любил выглядеть хорошо перед камерами.

— Круглов, — сказал он вместо приветствия. — Что у нас?

— Пока не ясно, товарищ полковник. Ершов на месте. Говорит, женщина. Без видимых повреждений. Но он не стал трогать.

— Молодец Ершов. Идём.

Они двинулись по центральной аллее парка. Дорожка была скользкой, Горелов дважды споткнулся, но сохранил равновесие. Круглов шёл за ним, глядя на затылок начальника — лысеющий, с глубокой вертикальной морщиной на шее, похожей на шрам.

Ершов стоял у скамейки, ссутулившись, и вид у него был такой, будто его сейчас вырвет. Рядом маялся местный участковый Лебедев — старый пьянчужка с красным носом, которого держали на службе только благодаря многолетнему стажу и умению находить общий язык с алкашами. Лебедев был трезв — по крайней мере, сегодня, — но выглядел так, будто мечтал о рюмке.

— Показывай, — кивнул Горелов.

Круглов подошёл ближе и увидел.

Он видел трупы раньше. В Заозёрном, как и в любом другом городе, умирали люди: сердечные приступы, несчастные случаи, иногда — если уж совсем не везло — суициды. Но такого он не видел никогда.

Женщина лежала на скамейке, вытянувшись ровно, словно её укладывал паралитик с манией симметрии. Руки — вдоль туловища, ладони раскрыты вверх, ноги прямые, ступни вместе. Голова чуть повёрнута набок, как у спящего ребёнка, который ищет удобную позу. Серая куртка расстёгнута, под ней — тёмный свитер. Свитер был застёгнут до самого горла, хотя погода позволяла и не застёгиваться. Круглов заметил это позже, а сначала его взгляд упёрся в лицо.

Лицо женщины было спокойным. Не просто спокойным — умиротворённым. Брови не сведены, губы не сжаты, веки сомкнуты без напряжения, как у той, кто сама закрыла глаза перед сном. Круглову вдруг стало не по себе. В этом спокойствии было что-то неправильное. Слишком правильное.

И цветы.

На груди женщины лежал мак. Один, крупный, свежий, с тёмно-красными лепестками, которые казались почти чёрными в сером свете утра. Лепестки на глазах. Два, по одному на каждый — они закрывали веки, как маленькие кровавые повязки.

— Что это? — спросил Горелов, и его голос дрогнул. — Это... что это за хрень?

— Мак, — ответил Круглов. — Красный мак.

— Я вижу, что мак. Я не слепой. Почему мак?

Круглов не знал. Он вообще ничего не знал. Он смотрел на тело, на гладкую ткань свитера, на безжизненные пальцы с некрашеными ногтями, и в голове у него прокручивалась одна и та же мысль, простая и дурацкая: *кто-то пришёл сюда вчера ночью и положил ей на грудь цветок.*

— Убийство? — спросил Ершов. Голос у него был сиплый, будто он накричался на стадионе. — Или сердечный приступ?

— Сердечные приступы не сопровождаются маками на глазах, — отрезал Горелов. — Лебедев!

Участковый подскочил.

— Кто такая?

Лебедев замялся, полез в потрёпанный блокнот. Пальцы у него тряслись, но не от похмелья — от нервов.

— Ирина Сергеевна Морозова, — прочитал он, часто моргая. — Сорок два года. Проживает по улице Ленина, дом пятнадцать, квартира восемь. Преподаватель русского языка и литературы, школа номер шесть. Замужем. Муж — Морозов Виктор Степанович, бывший военный, сейчас работает в автосервисе.

— Замужем, — повторил Горелов. — Муж уже знает?

— Звоню только что, — сказал Круглов. — Думал, сначала вы посмотрите.

— Звони сейчас. И пусть приходит. Но без истерик, если получится.

Круглов отошёл в сторону, достал телефон. Набрал номер, который ему дал Лебедев. Гудки были длинными, четыре, пять, шесть. Потом щелчок, тяжёлое дыхание.

— Слушаю.

— Виктор Степанович? Это капитан Круглов из полиции. Вам нужно приехать в парк имени 30-летия Победы. Ваша супруга...

Он хотел сказать «найдена», но запнулся. В голову лезли официальные формулировки: «обнаружена без признаков жизни», «прибытие необходимо для опознания», «просим сохранять спокойствие». Он вдруг почувствовал себя палачом, который зачитывает приговор.

— Что с Ириной? — Голос Морозова был ровным, почти безразличным. Это насторожило Круглова. Обычно родственники или начинают плакать сразу, или впадают в агрессию. Тут была пустота.

— Приезжайте, Виктор Степанович. Я всё объясню на месте.

— Приеду, — и мужчина повесил трубку.

Круглов убрал телефон, вернулся к скамейке. Горелов уже давал указания: оцепить место, вызвать следователя, не подпускать зевак. Зевак пока не было — только редкие прохожие на другой стороне улицы косились на полицейские машины, но не решались подойти.

— Круглов, — Горелов поманил его пальцем. — Скажи мне честно: ты такое раньше видел?

— Нет.

— Я тоже, — полковник понизил голос. — Я, знаешь, за тридцать лет службы всякого насмотрелся. Но чтобы кто-то выкладывал тело как на выставке... Это не пьяная драка. Не заказное, не бытовое. Это что-то другое.

Круглов согласно кивнул. Он сам уже начал подозревать, что сегодняшнее утро — это та самая черта, после которой всё в его спокойной жизни пойдёт по-другому. Возможно, он смотрит на первую жертву серийного убийцы. Возможно, их город, маленький, сонный, заштатный Заозёрный, станет местом охоты.

— Документы при ней? — спросил он у Ершова.

— В кармане куртки, — Ершов мотнул головой в сторону тела, но даже не попытался залезть. — Паспорт, ключи, какой-то чек из аптеки. Больше ничего.

— Телефон?

— Нет. Отсутствует. Или сама забыла, или убийца забрал.

Горелов задумчиво потёр переносицу. В этом жесте было что-то почти комичное — большой, неповоротливый человек, застывший над трупом с маками, будто пытался запомнить его для отчёта.

— Что говорит врач? — спросил он. — Скорую вызвали?

— Сейчас будет, — ответил Круглов.

И действительно, через минуту у входа в парк пронеслась сирена, и белая «Газель» скорой помощи подкатила к ограждению. Из кабины выпрыгнул фельдшер — молодой парень, лет тридцати, в синей форме, со спортивной сумкой через плечо. Круглов его знал: Алексей Аркадьевич, сын патологоанатома. Вежливый, тихий, иногда подменял кого-то на ночных сменах.

— Здравствуйте, капитан, — Алексей кивнул Круглову. У него были внимательные серые глаза и спокойные, чуть замедленные движения — как у людей, которые привыкли работать с больными, а не с трупами. — Показывайте.

Круглов отвёл его к скамейке.

Алексей остановился в трёх метрах, осмотрел тело, не приближаясь. Лицо его не изменилось — ни удивления, ни испуга, ни профессионального любопытства. Только лёгкое напряжение в уголках губ.

— Так, — сказал он после паузы. — Признаков насилия не видно. Кровь отсутствует. Поза неестественная: обычно в агонии люди мечутся или застывают в скрюченном состоянии. Эта выложена специально.

— Спала? — спросил Горелов.

— Не уверен. Возможно, ей ввели что-то снотворное. Или удушье, которое не оставляет следов. Но я не патологоанатом, товарищ полковник. Моё дело — констатировать смерть. А выяснять причины будут в морге.

— Мы поняли, — Горелов вздохнул. — Забирайте.

Алексей надел перчатки, аккуратно снял маки с тела, положил их в пластиковый пакет, который Круглов предусмотрительно протянул. Затем фельдшер присел на корточки, проверил пульс (хотя труп был уже холодным, с трупными пятнами на спине — значит, лежала не меньше четырёх часов), записал что-то в блокнот.

— Умерла примерно между часом и тремя ночи, — сказал он поднимаясь. — Причина, повторюсь, не ясна. Но я бы поставил на отравление или передозировку. Зрачки расширены, цвет лица слишком спокойный. Такое бывает при барбитуратах.

— Барбитураты — это снотворное? — уточнил Круглов.

— Да. Сильное. В больших дозах вызывает остановку дыхания во сне. Человек просто не просыпается.

Горелов и Круглов переглянулись.

— Кто мог достать снотворное? — спросил полковник.

— Врачи, медсёстры, фельдшеры, аптекари, — Алексей пожал плечами. — Или купить на чёрном рынке. Ваша работа, товарищ полковник.

Он жестом подозвал двух санитаров, которые уже расстилали носилки. Тело Ирины Морозовой уложили, прикрыли простыней и понесли к машине. Горелов проследил взглядом, потом перевёл взгляд на Круглова.

— Ты составил описание места происшествия?

— Почти, — соврал Круглов. У него был набросок на телефоне, но он знал, что Горелов захочет официальный документ на бумаге.

— Тогда садись и пиши. А я позвоню в область.

— В область? — Круглов удивился. — У нас же есть следователь прокуратуры...

— Следователь у нас, Круглов, — это Смородинов, который в прошлом году забыл приобщить вещдоки по делу о краже. Я с ним даже крысу за верёвочку не доверю, не то, что серийного убийцу. — Горелов говорил всё тише, но злее. — Или ты думаешь, что это несчастный случай? Муж пришёл, напоил жену снотворным и украсил маками? Не смейся меня. Здесь почерк. Здесь ритуал. Нам нужен профи.

— Профи из области?

— А из кого? Из Москвы не вызовешь — засмеют. Областной центр в трёх часах езды. У них там есть одна... — Горелов замялся, подбирая слово. — Детектив, специалист по риту-

альным убийствам. Женщина. Что-то слышал о ней. Она раскрыла дело о маньяке в Краснокамске три года назад.

Круглов попытался вспомнить, читал ли он что-то подобное в новостях. Не вспомнил.

— Как её зовут?

— Ева. Фамилию я забыл. Но найду. Она дочь нашего старого знакомого — покойного капитана Стрельцова. Помнишь? Он застрелился лет десять назад.

— Не при мне, было, — сказал Круглов. Он служил в Заозёрном всего седьмой год.

— Ну, не важно. Я позвоню, попрошу командировку. А ты пока собери всё, что возможно, на месте. И поговори с мужем, когда приедет. Без грубости. Он пока не подозреваемый.

— Слушаюсь.

Горелов ушёл к своей машине, громко дыша и отмахиваясь от Сысоева, который попытался, было подать ему рацию. Круглов остался стоять возле пустой скамейки.

Сысоев подошёл, виновато пряча глаза.

— Дмитрий Борисыч... то есть просто Дим. А правда, что маки ядовитые?

— Правда. В маке содержится опий. Если съесть много, можно умереть.

— Думаете, она их съела?

Круглов покачал головой. Он смотрел на асфальт перед скамейкой — там было чисто. Ни следов крови, ни окурков, ни брошенных шприцев. Убийца был аккуратен. Возможно, даже одержим аккуратностью.

— Вряд ли, — ответил он, наконец. — Это символ. Что-то вроде подписи. Он хотел, чтобы маки заметили.

— Зачем?

— Этого я, Сысоев, не знаю. Но скоро узнаем.

Он присел на корточки, разглядывая гравийную дорожку. Место было проходное, затоптанное. Но там, где обычно люди ходили по центру, убийца, видимо, обошёл скамейку сзади. Круглов нашёл отпечаток — смутный, почти неразличимый. Размер где-то 43-й. Мужской. Обувь с гладкой подошвой, не кроссовки, а что-то типа ботинок или рабочих полусапог.

— Сысоев, — сказал он. — Принеси гипс из машины. И скажи Ершову, чтобы он прошёлся по периметру. Может, камеры есть у магазинов напротив.

— Камеры? — Сысоев хмыкнул. — В Заозёрном камеры только у банкомата. И те работают через раз.

— Делай, что сказано.

Когда Сысоев ушёл, Круглов выпрямился и посмотрел на кроны деревьев. Ветер шевелил оставшиеся листья, срывал их, кружил над скамейкой. Он подумал об Ирине Морозовой, учительнице литературы. О том, что несколько дней назад она стояла у доски и рассказывала школьникам про «Анну Каренину» или «Войну и мир». Может быть, читала стихи Ахматовой. Может быть, улыбалась, когда кто-то из учеников отвечал невпопад. А теперь её улыбка застыла, и веки закрыты маками, и никто никогда не узнает, о чём она думала в последнюю минуту.

Круглов достал сигарету, закурил, хотя парк был общественным местом и курить здесь запрещали. Он вообще много чего нарушал, когда был в себе уверен. Но сейчас уверенности не было.

Он взглянул на часы: 8:42. Через полчаса приедет муж. Через час — следователь из прокуратуры. Через два — возможно, начнётся пресс-конференция, которую Горелов будет вести с надрывом и пафосом. А пока только тишина, ветер, запах мокрых листьев и красный мак, который Алексей увёз в морг в полиэтиленовом пакете.

«Первый», — подумал Круглов. — «Это только первый».

Он не знал, что окажется прав в самом страшном смысле этого слова.

Парк имени 30-летия Победы

8:47 утра

Чёрный «УАЗ» Горелова уже уехал. Скорая давно скрылась за поворотом. Только Круглов остался, сидя на корточках возле скамейки, сжимая в пальцах окурки. Небо над Заозёрным затягивало новыми тучами — к обеду обещали дождь, который смывает последние следы. Убийца, если он был профессионалом, наверняка это просчитал.

Но Круглов не знал тогда, что убийца не рассчитывал на погоду. Убийца рассчитывал на то, что его никто не ищет, потому что никто не смотрит на женщин с разбитыми лицами, на протоколы с пометкой «дело прекращено за примирением сторон», на тихие крики за закрытыми дверями.

Он ошибался. Теперь смотрели все.

Но было уже поздно.

Красный мак увёз фельдшер в синей форме, спокойный и деловитый. Алексей Аркадьевич, которого все в городе знали как вежливого парня со скорой. Алексей, который любил маки с детства, потому что маки напоминали ему кровь, которой никогда не было видно, когда отец бил мать.

Но об этом Круглов узнает гораздо позже.

А пока — город просыпался. Где-то залаяла собака. Загудел автобус на остановке. Обычный день в Заозёрном начался.

Только одна скамейка в парке опустела, и на ней осталось лишь маленькое тёмное пятно — может, от влаги, может, от лепестка, закатившегося под деревянную планку.

Красного мака уже не было.

Но он вернётся.

Глава 2. Тот, кто остался

Виктор Степанович Морозов появился в парке через двадцать минут после звонка. Круглов успел составить примерное описание места, сфотографировать скамейку с четырёх ракурсов и дать указание Сысоеву объехать ближайšie дома в поисках свидетелей. Участковый Лебедев, которому Горелов велел оставаться на месте, стоял у входа в парк с таким видом, будто его вот-вот вырвет. Наверное, сказывался вчерашний перегар.

Муж подошёл пешком. Он жил недалеко — улица Ленина, дом пятнадцать, это всего в трёх кварталах от парка. Круглов узнал его по описанию Лебедева: высокий, коренастый, лет пятидесяти, с короткой стрижкой и тяжёлой челюстью. На нём была старая куртка-аляска, рыбацкие штаны и резиновые сапоги, хотя дождь давно кончился. Вид у него был такой, будто он только что собирался на рыбалку или с собакой гулять — но собаки с ним не было.

— Где? — спросил Морозов, не здороваясь.

Круглов поднялся со скамейки (на которой ещё полчаса назад лежало тело, но сейчас он об этом старался не думать) и сделал шаг навстречу.

— Виктор Степанович, я капитан Круглов. Примите мои соболезнования.

— Соболезнования я приму потом. Где она?

— Вашу супругу уже увезли в морг. Для установления причины смерти.

Морозов остановился. Лицо его не дрогнуло — ни тени горя, ни удивления. Только лёгкое подёргивание щеки, которое могло означать что угодно: от нервного тика до сдерживаемой ярости. Круглову такие люди не нравились. Слишком собранные. Слишком непроницаемые. С такими сложно разговаривать, потому что они не дают тебе зацепок.

— В морг, — повторил Морозов. — Значит, точно мертва.

— Да.

— Как?

— Пока не ясно. При вскрытии скажут.

Морозов перевёл взгляд на скамейку, потом на ограждение из желтой ленты, которой Ершов обмотал периметр. Посмотрел на пятно на асфальте — Круглов уже присыпал его песком, чтобы сохранить возможные следы. Мужчина долго вглядывался в это пятно, будто надеялся увидеть там ответ на свой вопрос.

— А цветы? — спросил он внезапно. — Мне сказали, при ней были цветы.

— Откуда вы знаете?

— Ершов обмолвился. Когда звонил. Сказал, что у неё на груди мак.

Круглов мысленно выругался. Ершов был дурак, и сейчас он это подтвердил ещё раз. Разглашать детали родственникам до окончания следствия — грубейшее нарушение. Но Морозов уже знал, и деваться было некуда.

— Да, — сказал Круглов. — Красный мак.

— И что это значит?

— Пока не знаем. Может быть, просто совпадение. Или кто-то решил таким образом...

— Кто-то, — Морозов усмехнулся, но без веселья. — Вы думаете, её убили? Вы считаете, что маньяк в нашем городе завёлся? В Заозёрном? — он почти выплюнул название города, как ругательство.

— Виктор Степанович, я ничего не считаю. Я собираю факты. «Могу ли я попросить вас ответить на несколько вопросов?— Против.

— Тем не менее.

Круглов указал на скамейку подальше, где не было ленты. Морозов сел, не глядя под ноги. Круглов присел рядом, стараясь соблюдать дистанцию. В кармане у него был диктофон — он включил его незаметно, когда Морозов приблизился. Горелов учил: «Всегда записывай

разговоры с родственниками. Потом они забывают, что говорили, и начинают противоречить. Это твой козырь».

— Расскажите о вашей супруге, — начал Круглов. — Какой она была человеком?

— Хорошей, — ответил Морозов. — Учительницей. Детей любила.

— Своих?

— Нет. Детей вообще. Своих у нас не было. Она не могла.

— Как давно вы женаты?

— Двадцать лет.

— Двадцать лет — это много. Наверное, знали её хорошо.

Морозов повернул голову, и Круглов увидел его профиль — крупный, с тяжёлым подбородком и глубоко посаженными глазами. Взгляд был колючий, недобрый. Так смотрят на человека, которого считают врагом, но пока терпят.

— Что вы хотите от меня услышать, капитан? Что она была святой? Не была. Как и все. Иногда ссорились, иногда мирились. Обычная семья.

— Ссорились? Из-за чего?

— Из-за всего. Она была нервная. Женщины все нервные. Климакс, работа, стрессы.

Круглов отметил это про себя. «Нервная» — частое оправдание для тех случаев, когда муж поднимает руку. Не всегда, но часто.

— Виктор Степанович, ваша супруга обращалась в полицию с заявлениями о домашнем насилии?

Мужчина резко повернулся. Глаза его сузились.

— Кто вам сказал?

— Это открытая информация. Дела были зарегистрированы в 2019-м и 2021-м годах. В обоих случаях ваша жена забирала заявления. Вы не отрицаете?

— Не отрицаю. Но это были... — он замаялся, подыскивая слова. — Семейные разногласия. Я её не бил. Я её пальцем не трогал. Она сама падала, один раз с лестницы, второй раз на кухне поскользнулась. А соседи слышали шум и вызвали полицию. У нас в доме вечно всем есть дело до чужих отношений.

— По первому вызову у неё были зафиксированы гематомы на руках и ссадина на шее, — спокойно сказал Круглов. — Согласно медицинскому осмотру.

— Она работала с детьми. Дети бывают агрессивные. Кто-то толкнул, кто-то цапнул.

Круглов вздохнул. Он знал этот сценарий наизусть. В маленьком городе все друг друга прикрывают, все молчат, и жертва всегда «сама виновата». Он мог бы сейчас давить, требовать правды, но это не имело смысла. Морозов не сознается. И даже если бы сознался, что это меняет? Ирину Морозову всё равно не вернуть.

— Где вы были прошлой ночью, Виктор Степанович?

— Дома.

— Один?

— С Ириной. Она тоже была дома. До тех пор, пока...

— До тех пор, пока она не вышла из дома. А во сколько она вышла?

— Не знаю. Я спал.

— И не слышали, как она уходила?

— Нет. Я пью снотворное. У меня бессонница после армии. Спал мёртвым сном.

Круглов записал это в блокноте. Снотворное. Как вовремя.

— У вас есть рецепт?

— Нет. Я покупаю без рецепта — в аптеке, по знакомству. Но это не запрещено.

— Какое именно снотворное?

— «Донормил». Обычное.

— Вчера вы его принимали?

— Да. Принял в одиннадцать и лёг. Проснулся от звонка вашего сотрудника.

— Вы можете дать нам упаковку? Для проверки.

Морозов достал из кармана куртки пластиковый контейнер с таблетками. Протянул Круглову. Тот взял, повертел в руках. Упаковка была почти полной — не хватало трёх таблеток. На вид — обычный «Донормил», который продаётся в любой аптеке. Но Круглов знал, что такое снотворное в больших дозах вызывает остановку дыхания. И если Морозов подсыпал его жене в чай...

— У вашей супруги были проблемы со сном? — спросил он, пряча упаковку в пакет.

— Нет. Она спала хорошо всегда. Я спал плохо. Это моя проблема, не её.

Круглов задал ещё несколько вопросов: о работе Морозова (он работал мастером в авто-сервисе на выезде из города), о друзьях Ирины (их не было — «она была домоседкой, не любила шумные компании»), о её привычках (читала по ночам, иногда плакала перед сном, но «женщины — они же все плаксивые»). Всё это было шаблонно, плохо, и Круглов уже понимал, что Морозов или говорит правду (маловероятно), или умело скрывает самое важное.

— Можете ехать домой, — сказал Круглов в конце. — Но не покидайте город. Возможно, у нас будут ещё вопросы.

— Я никуда и не собирался, — Морозов поднялся. — Похороны когда?

— Как только тело отдадут. Вам позвонят из морга.

— Я сам позвоню. — Он сунул руки в карманы, посмотрел на желтую ленту. — Мне можно попрощаться с ней?

— В морге. Сегодня после обеда.

Морозов кивнул, развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Шагал он тяжело, но ровно — как солдат на плацу. Круглов смотрел ему вслед и думал о том, как мало нужно человеку, чтобы уничтожить другого. Иногда достаточно просто быть рядом. Достаточно закрыть дверь и сделать вид, что ничего не происходит. Достаточно сказать: «я её не бил, она сама упала».

Диктофон он выключил, когда Морозов скрылся за углом.

— Сысоев! — крикнул Круглов. — Ты нашёл свидетелей?

Сержант вынырнул из-за кустов сирени — он действительно обходил дворы, оставляя листовки с номером телефона. В руках у него был мятой лист бумаги.

— Одна бабка видела что-то, — доложил он, запыхавшись. — Вон в том доме, угловом, на втором этаже. Сидит у окна, не спит ночами. Говорит, видела мужчину возле парка примерно в час ночи.

— Описала?

— Высокий, в тёмной куртке. Шёл быстро. Она не запомнила лица.

— Классика, — вздохнул Круглов. — Ладно, запиши её данные. Пусть Лебедев сходит, возьмёт официальные показания. Мне пора в отдел.

Он прошёл к машине, сел за руль. На заднем сиденье сидел Ершов, бледный, с красными глазами — то ли не спал всю ночь, то ли плакал. Круглов не стал спрашивать. Он завёл двигатель, вырулил на дорогу и поехал в сторону полицейского участка, расположенного в старом двухэтажном здании на улице Советской.

Пока Круглов вёл допрос в парке, в областном центре, за триста километров от Заозёрного, в кабинет следователя по особо важным делам постучали.

— Войдите, — сказала Ева, не поднимая головы от бумаг.

Дверь открылась, и на пороге появился начальник отдела, полковник Саблин. Он был из тех людей, которые никогда не ходят по кабинетам просто так — всегда с новостью, и всегда нехорошей.

— Ева Сергеевна, — сказал он, присаживаясь на стул напротив. — Заняты?

— Как всегда.

— У меня есть для вас командировка.

Она подняла голову. Волосы — тёмные, короткие, с ранней сединой на висках — упали на лоб. Ева откинула их привычным жестом, поправила очки (не для зрения — она носила их, чтобы выглядеть старше, чтобы к ней относились серьёзнее). В свои тридцать пять она уже раскрыла три серии — одну в Краснокамске, две в райцентрах помельче. Её имя знали в управлении, но не любили: она была слишком прямой, слишком циничной и слишком одинокой. Одинокой настолько, что даже начальник боялся спрашивать о её личной жизни.

— Куда? — спросила Ева.

— Город Заозёрный. Слышали?

— На карте видела. Маленький. Что там?

— Нашли тело женщины в парке. С ритуальными элементами.

Ева отложила ручку. Это было интересно. Ритуальные убийства в провинции — редкость. Обычно либо пьяная драка, либо бытовуха, либо заказное, маскируемое под несчастный случай. Но ритуал — это другое. Ритуал — это почерк, а почерк — это личность.

— Рассказывайте.

Саблин протянул ей распечатку факса — предварительный рапорт из Заозёрного, составленный Гореловым. Ева пробежала глазами: женщина, 42 года, учительница, найдена на скамейке, поза симметричная, на груди и глазах — красный мак.

— Мак, — тихо сказала она, перечитывая. — Это интересно. В наших краях маки не растут. Их покупают.

— Я так и подумал. Вы же специалист по символам.

— Не по символам, по серийным убийцам. Но символы — часть картины.

Она перевернула страницу. Внизу был приписан от руки адрес местного морга и фамилия патологоанатома — Борис Аркадьевич Морозов. Ева на секунду задержалась на этой фамилии, но ничего не сказала. Фамилия была распространённая.

— Есть ещё что-то? — спросила она.

— Звонил начальник местной полиции, Горелов. Просил прислать специалиста. Говорит, что это может быть серия. По крайней мере, он чувствует.

— Чутьё — ненадёжная вещь, — заметила Ева. — Но если он готов платить за командировку, почему бы и нет.

— Деньги найдём, — Саблин усмехнулся. — У тебя же нет отгулов?

— Нет.

— И семьи?

Это был не вопрос — это был тест. Ева выдержала его, не моргнув.

— Нет, товарищ полковник. У меня только работа.

— Вот и хорошо. Собирайтесь. Машина подана через час.

Когда Саблин ушёл, Ева закрыла дверь и несколько секунд стояла, глядя на карту области, висевшую на стене. Заозёрный — маленькая точка на юго-востоке, рядом с границей области. Город, которого она никогда не видела и не хотела видеть. Но раз надо — поедет.

Она подошла к столу, открыла нижний ящик, где лежал потрёпанный конверт. В конверте — фотография. Две девушки на фоне реки, одна чуть старше, с тёмными косами, вторая светловолосая, лет десяти. Тамара и Ева. Тринадцать и десять. Снимок сделал отец за месяц до того, как...

Ева резко захлопнула ящик. Не сейчас. Не надо сейчас.

Она взяла сумку, положила туда диктофон, ноутбук, запасные батарейки и маленький блокнот, куда записывала свои наблюдения. В последнюю секунду сунула в карман куртки сухой цветок — белый, без названия, просто сорванный когда-то на обочине. Талисман, который она возила с собой на все выезды. Глупость, сентиментальность, но помогало.

Перед выходом Ева мельком глянула в зеркало. Женщина с резкими чертами лица, глубокими тенями под глазами и взглядом, который никто не мог выдержать дольше пяти секунд.

«Ты похожа на хищника», — сказал ей однажды один коллега. Она ответила: «Хищники живут дольше, чем травоядные».

В приёмной её ждал водитель — молодой парень с безучастным лицом.

— В Заозёрный? — спросил он.

— В Заозёрный.

— Дорога три часа.

— Я знаю.

Она села на заднее сиденье, закрыла глаза. Три часа — это много времени, чтобы подумать. О сестре. Об отце, который застрелился, оставив после себя только вопросы. О женщине с маками на глазах, которая, возможно, вообще не хотела умирать.

Но думать она не стала. Вместо этого Ева открыла ноутбук и начала читать всё, что могла найти о Заозёрном. Статистика, новости, форумы, криминальная хроника. Город, где живут сорок тысяч человек, где основное предприятие — завод железобетонных изделий, где средняя зарплата — двадцать две тысячи, где за последние пять лет зарегистрировано восемь убийств, все раскрыты, все — бытовые. Ни одного серийного. Ни одного непонятного.

До сегодняшнего дня.

Машина выехала на трассу. За окном потянулись поля — пустые, коричневые, с островками сухой травы. Иногда попадались рощи, иногда деревни, иногда придорожные кафе с облупившимися вывесками. Ева почти не смотрела по сторонам. Она читала досье на Ирину Морозову: вызовы полиции, показания соседей, медицинские справки о побоях. Два раза — в 2019 и 2021. Оба раза — «отказ от госпитализации». Оба раза — «дело прекращено в связи с примирением сторон».

«Примирение сторон», — подумала Ева. — «Интересное слово. Означает, что женщина вернулась к мужу, который её бил, потому что ей некуда было идти. Потому что в Заозёрном нет кризисного центра. Потому что соседи говорят: "сами разберутся". Потому что полиция говорит: "пишите заявление, если что". А когда пишут — забирают обратно, потому что боятся».

Она закрыла файл. Ей стало тошно.

За три года работы с ритуальными убийствами она видела многое. Жертв, которые становились палачами. Палачей, которые считали себя спасителями. Но этот случай был особенным. Мак на груди — не просто символ сна. Мак — это ещё и память. В некоторых культурах маки сажают на могилах, чтобы умершие помнили о жизни. А здесь — наоборот: живую (или недавно живую) заставили уснуть и украсили цветком забвения.

«Кто-то хотел, чтобы она забыла», — подумала Ева. — «Забыла о чём? О муже, который её бил? О своей жизни? О страхе?»

Вопросов было больше, чем ответов. И это нравилось Еве. Она не любила лёгких дел — в лёгких делах слишком быстро выяснялось, что правда никому не нужна.

На въезде в Заозёрный их остановил пост ДПС. Ева показала удостоверение, и полицейский козырнул.

— Вам в отдел к полковнику Горелову? — спросил он.

— Да. И ещё — в морг.

— Морг на окраине, за больницей. Там патологоанатом — старый Борис Аркадьевич. Он вас встретит.

Ева кивнула. Машина въехала в город, и она впервые увидела Заозёрный — серый, унылый, с облупившимися фасадами и редкими прохожими, кутающимися в куртки. Город, который не ждал гостей. Город, где кто-то ночью положил красный мак на грудь мёртвой учительницы.

«Я здесь, чтобы найти тебя», — мысленно обратилась Ева к неизвестному убийце. — «И я найду. Потому что я хуже тебя. У меня нет жалости».

Она не знала тогда, что убийца тоже не знает жалости.
И что их встреча изменит всё.

Город Заозёрный

12:15 дня

Круглов сидел в своём кабинете, разбирая показания. На столе лежали фотографии места происшествия, протоколы, распечатки вызовов. Он чувствовал, что упускает что-то важное — какую-то деталь, которая связала бы всё воедино. Муж, снотворное, маки. Женщина, которая обращалась в полицию и забирала заявления. Убийца, который аккуратно уложил её, как куклу.

Стоп.

Круглов перечитал показания Морозова: «Она была нервная, женщины все нервные». Потом посмотрел на медицинскую справку из первого вызова: «гематомы на предплечьях, ссадина на шее». Это не падение с лестницы, не дети в школе. Это следы пальцев. Кто-то её душил.

Он взял телефон, набрал номер морга.

— Борис Аркадьевич? Капитан Круглов. Когда будет вскрытие?

— Завтра утром, — голос патологоанатома был спокойным, почти сонным. — Приезжайте к девяти. Но я могу сказать уже сейчас — отравление. В крови нашли барбитураты.

— В какой концентрации?

— Смертельной. Если говорить просто — её усыпили. Усыпили навсегда.

Круглов положил трубку. Усыпили. Как ребёнка, которому читают сказку на ночь. Только сказок не было. Был красный мак и тьма.

Он выглянул в окно. На улице начинался дождь — тот самый, который должен был смыть следы. Крупные капли били по стеклу, разбивались и стекали вниз, как слёзы.

Круглов достал сигарету, но не закурил — в кабинете не разрешалось. Просто подержал в пальцах, вдыхая табачный запах, и подумал о том, что город, который он считал спокойным, внезапно стал чужим.

Потому что в Заозёрном завёлся тот, кто кладёт маки на грудь мёртвых женщин.

И это только начало.

Глава 3. Приезжая

Машина остановилась у серого двухэтажного здания с вывеской «Отдел Министерства внутренних дел России по Заозёрному району». Вывеска была старой, буквы местами облупились, а флаг над крышей висел мокрый и безжизненный, как полотенце после стирки. Ева вышла из машины, подставив лицо мелкому дождю. В областном центре было сухо, здесь — сырость проникала под одежду, заставляя зябко поёживаться.

Она не любила маленькие города. Не потому, что они бедные или скучные — а потому что в них слишком хорошо знают друг друга. Слишком хорошо помнят. Здесь каждый шаг чужака становится событием, каждая просьба — сплетней. Ева предпочитала анонимность больших городов, где можно исчезнуть в толпе и никто не спросит, почему у тебя под глазами тени и ты не носишь обручальное кольцо.

Водитель остался в машине — он должен был ждать её столько, сколько потребуется. Ева взяла сумку, поправила куртку и вошла в здание.

Внутри пахло дешёвым освежителем воздуха, затхлостью и чем-то ещё — возможно, старыми архивами. Дежурный — капитан с усталым лицом — поднял голову от монитора.

— Вы к кому?

— Ева Стрельцова, из областного управления. К полковнику Горелову.

Дежурный узнал фамилию (может быть, Горелов предупредил) и кивнул в сторону лестницы:

— Второй этаж, кабинет двенадцать. Он вас ждёт.

Лестница скрипела. Стены были выкрашены в бледно-зелёный — цвет, который, как считалось в советское время, успокаивает психику. Еву он не успокаивал. Она поднялась, нашла дверь с табличкой «Полковник Горелов В.И.» и постучала.

— Войдите.

Горелов сидел за большим столом, заваленным папками. Он уже успел снять китель — видимо, понял, что телевидение сегодня не приедет, — и теперь был в рубашке с расстёгнутым воротом. Увидев Еву, он с трудом поднялся, протянул руку.

— Стрельцова? Рад знакомству. Садись, дочка, садись.

«Дочка» кольнуло. Ева ненавидела фамильярность, но промолчала. Она села на стул, положила сумку на колени.

— Рассказывайте, товарищ полковник, — сказала она без предисловий. — В рапорте мало информации.

Горелов вздохнул, потёр лицо ладонью. Он выглядел уставшим, хотя был только первый час дня.

— Ирина Морозова, сорок два года, учительница. Найдена сегодня в пять утра патрульным Ершовым. На скамейке в парке Победы. Тело симметрично выложено, глаза закрыты лепестками красного мака, на груди — целый мак. Причина смерти, по предварительным данным, — отравление барбитуратами. Вскрытие завтра.

— Кто проводит вскрытие?

— Борис Аркадьевич Морозов. Наш патологоанатом. Семейное совпадение, но он не родственник. Борис Аркадьевич — человек старой школы, надёжный.

— Снотворное могли дать жертве. Где его взяли?

— У мужа, Виктора Морозова, нашли «Донормил». Он говорит, что принимает сам от бессонницы. Но в упаковке не хватало трёх таблеток. Муж отрицает, что давал их жене.

— Муж — подозреваемый?

— Пока нет. У него алиби — спал. Но мы проверяем.

Ева открыла ноутбук, быстро набрала несколько фраз. Горелов смотрел на неё с интересом — она работала быстро, без лишних движений.

— Я хочу осмотреть место, — сказала она. — И поговорить с тем, кто нашёл тело. И с мужем. В таком порядке.

— Круглов вас сводит. Капитан Круглов, мой лучший оперативник. Он сейчас в отделе, составлял рапорт.

Горелов нажал кнопку селектора, вызвал Круглова. Через минуту в дверь постучали, и вошёл высокий мужчина лет сорока, с усталыми, но живыми глазами. Ева отметила его руки — крупные, с длинными пальцами, как у музыканта или хирурга. Руки человека, который умеет делать что-то тонкое.

— Капитан Круглов, — представился он. — Ева Сергеевна? Я читал вашу статью о ритуальных убийствах в «Вестнике криминологии». Вы пишете, что символы всегда связаны с личной историей убийцы.

Ева удивилась. Обычно полицейские в провинции не читают профессиональных журналов.

— Да, — сказала она. — Цветок, поза, место — всё это не случайно. Убийца не просто убивает. Он разговаривает с нами.

— О чём говорит мак? — спросил Круглов.

— Пока не знаю. Увижу тело — скажу.

Они вышли вместе. Горелов остался в кабинете — ему нужно было звонить в прокуратуру и объяснять, почему он вызвал специалиста из области, а не доверился местным. Ева и Круглов спустились на первый этаж, вышли на улицу. Дождь почти кончился, только моросил, оставляя на куртках мелкие капли.

— Садитесь в мою, — сказал Круглов, кивнув на старенький «Логан» припаркованный у обочины. — Место недалеко.

В машине пахло кофе и табаком. Ева села на переднее сиденье, пристегнулась. Круглов завёл двигатель, вырулил на дорогу.

— Вы давно в Заозёрном? — спросила она.

— Семь лет. Родился здесь, учился в соседнем городе, вернулся.

— И как вам?

— Скучно, — он усмехнулся. — До сегодняшнего дня было скучно.

Они проехали мимо школы, мимо универсама, мимо автобусной остановки, где под навесом жались друг к другу пенсионеры. Город казался вымершим — может, из-за дождя, может, из-за буднего дня. Ева смотрела в окно, запоминая улицы, перекрёстки, лица. Это была её профессиональная привычка: любое место могло стать местом преступления, и нужно было знать его заранее.

— Расскажите о муже, — попросила она. — Не по протоколу, а по ощущениям.

Круглов помолчал, собираясь с мыслями.

— Он врунишка, — сказал, наконец. — Не в том смысле, что убил — я не знаю. Но он врёт о том, какими были их отношения. Говорит, что не бил, что она сама падала. Верится с трудом.

— А жертва?

— Тихая, незаметная. Коллеги в школе говорят, что она была хорошим педагогом, но зажат был человек. Детей не было. Жили вдвоём. Соседи слышали крики иногда, но никто не вмешивался.

— Как водится, — сухо сказала Ева. — Никто не вмешивается, пока не убьют. Потом все вспоминают, что «что-то подозревали».

Круглов бросил на неё быстрый взгляд.

— Вы не очень высокого мнения о людях.

— Я высокого мнения о фактах. А факты таковы: женщину избивали годами, никто не помог, и теперь она мертва. Возможно, от руки мужа. Возможно, от руки другого человека. Но корень зла — в том, что мы все смотрим в сторону, когда рядом бьют.

Она говорила спокойно, но с такой горечью, что Круглов не нашёлся с ответом. Он просто свернул на аллею, ведущую к парку, и остановился у ограждения.

— Приехали.

Парк выглядел ещё более унылым, чем утром. Жёлтая лента всё ещё висела, местами порванная ветром. Несколько любопытных прохожих стояли на почтительном расстоянии, но увидев полицейскую машину, поспешили уйти. Ева вышла, надела перчатки — синие, медицинские — и направилась к скамейке.

Скамейка была пуста. Ева обошла её кругом, наклонилась, рассмотрела древесину. Ни царапин, ни сколов. Краска облупилась, но в остальном — обычная городская скамейка.

— Где именно лежало тело? — спросила она.

— Вот здесь, — Круглов указал. — Голова ближе к этому краю, ноги — к противоположному. Руки вдоль тела, ладонями вверх.

— Ладони вверх — жест открытости, доверия. Убийца не хотел, чтобы она лежала сжавшись. Он уложил её как спящую.

Ева присела на корточки, осмотрела асфальт под скамейкой. Там было чисто — только песок, которым Круглов присыпал следы. Она взяла лупу из сумки, посветила.

— Следы мужской обуви, сорок третий — сорок четвёртый. Гладкая подошва — похоже на рабочую обувь. Убийца подошёл сзади, не с фасада. Он не хотел, чтобы его видели со стороны улицы.

— Мы уже сделали гипсовый слепок, — сказал Круглов. — Отправили на экспертизу.

— Хорошо. А что насчёт камер?

— Ни одной в парке. Ближайшая — на магазине через дорогу, но она снимает только витрину. Убийца знал это.

Ева выпрямилась, оглядела парк. Кроны деревьев, узкие дорожки, заросли сирени с краю.

— Он местный, — сказала она. — Или очень хорошо подготовился. Знал, что здесь нет камер. Знал, что ночью парк пустует. Знал, что патрули проходят мимо в час ночи и в четыре утра. Он выбрал окно между ними.

— Патрульные проходят в час ночи и в четыре, — подтвердил Круглов. — Тело нашли в пять. Значит, убийство произошло между двумя и четырьмя.

— Скорее между двумя и тремя, — поправила Ева. — Фельдшер сказал, что смерть наступила около двух.

— Фельдшер? Вы имеете в виду Алексея? Он точно сказал? Я не помню такого в рапорте.

Ева достала ноутбук, открыла файл, который прислал Горелов.

— «Время смерти предположительно с 1:30 до 2:30. Зрачки расширены, трупные пятна минимальны, температура тела на момент осмотра — 31 градус». Это ваши слова?

— Это слова Алексея. Он грамотный парень, сын патологоанатома. Учился в медицинском, но бросил.

— Почему бросил?

— Не знаю. Говорили, что мать болела, надо было работать.

Ева закрыла ноутбук. Внезапно она вспомнила, что сегодня уже говорила с кем-то по телефону из местных, но не могла понять, с кем. Потом отмахнулась.

— Мне нужно увидеть тело, — сказала она. — И патологоанатома. Можете отвезти?

— Конечно.

Они вернулись в машину. Круглов снова завёл двигатель, и они поехали через весь город — мимо заводской проходной, мимо старого кладбища, мимо бетонных пятиэтажек, которые казались одинаковыми, как солдаты в строю. Морг находился на окраине, за территорией цен-

тральной районной больницы. Это было невысокое здание из красного кирпича, с отдельным входом и вывеской, которую кто-то (наверное, местные остряки) дополнил надписью «Кто последний?».

Ева вошла внутрь. Пахло формалином и ещё чем-то сладковатым — тем специфическим запахом, который не спутаешь ни с чем. Она прошла по коридору, нашла дверь с табличкой «Заведующий патологоанатомическим отделением» и постучала.

— Войдите.

Борис Аркадьевич сидел за столом, перед ним лежал раскрытый журнал, и чашка с чаем. Он был старше, чем ожидала Ева: лет под семьдесят, с седыми волосами, зачёсанными назад, и большими усталыми глазами. На нём был белый халат, аккуратный, без пятен. Лабораторные часы на руке показывали половину второго.

— Добрый день, — сказала Ева. — Я Ева Стрельцова, из областного управления. Мне бы хотелось осмотреть тело Ирины Морозовой.

Борис Аркадьевич внимательно посмотрел на неё. В его взгляде было что-то изучающее, почти гипнотическое — так смотрят на препарат под микроскопом, прежде чем поставить диагноз.

— Да, — сказал он, наконец. — Мне сообщили. Идёмте.

Он поднялся, взял ключи и повёл их по коридору. Круглов шёл следом, стараясь не отставать. Они миновали дверь с решёткой, спустились в полуподвал, где было холодно и пахло особенно сильно. Здесь, в холодильной камере, хранились тела — пока не востребованные, пока не прошедшие вскрытие.

Борис Аркадьевич выдвинул одну из секций.

Ирина Морозова лежала на металлическом столе, прикрытая простынёй. Патологоанатом откинул ткань, открыв лицо.

Ева взгляделась. Женщина была некрасивой — не из-за смерти, а вообще: нерегулярные черты, бледная кожа, ранние морщины вокруг рта. Но выражение лица было спокойным. Очень спокойным. Как у человека, который принял снотворное и заснул навсегда.

— Лепестки вы сняли? — спросила Ева.

— Да, — Борис Аркадьевич кивнул на стол в углу, где в пластиковом контейнере лежали сухие, уже почерневшие маки. — Я их зафиксировал. Они были свежие. Куплены не позднее вчерашнего дня.

Ева подошла к контейнеру, осмотрела лепестки. Красные, с тёмными прожилками, чуть подсохшие на краях.

— Стебли обрезаны ножом или ножницами? — спросила она.

— Ножом. Ножницы оставляют залом, а тут срез ровный.

— Значит, убийца носил с собой нож. Это что-то говорит о его профессии.

Она вернулась к телу, внимательно осмотрела шею, руки, предплечья. На левом локте она заметила маленький синяк — зелёно-жёлтый, старой давности. На запястьях — следы от часов.

— Муж снимал с неё часы? — спросила она.

— Не знаю, — Круглов покачал головой. — Мы не нашли часов. Возможно, она и не носила.

— Носила, — Ева указала на загар на запястье. — След от ремешка. Часы пропали. Убийца их забрал? Или муж?

Борис Аркадьевич молчал, наблюдая за ней. Ева чувствовала его взгляд — спокойный, почти равнодушный. Но что-то в этом равнодушии было неправильным. Слишком правильным.

— Борис Аркадьевич, вы вскрытие проведёте завтра? — спросила она.

— Да, в девять утра.

— Я буду присутствовать.

— Как угодно.

Она ещё раз оглядела тело, запомнила расположение родинок (одна на скуле, две на шее), цвет кожи (бледный, но без трупных пятен на лице — значит, лежала на спине). Затем кивнула, и Борис Аркадьевич задвинул секцию.

Они вышли на свежий воздух. Ева глубоко вздохнула, пытаясь избавиться от запаха формалина, но он вьелся в одежду, в волосы, в кожу.

— Ваше мнение? — спросил Круглов.

Ева задумалась.

— Это не убийство из ревности и не бытовое, — сказала она. — Слишком много деталей. Мак, поза, чистота. Убийца наслаждался процессом. Он не просто хотел избавиться от женщины — он хотел создать картину.

— Маньяк?

— Скорее ритуалист. Такие убийцы часто имеют психологические травмы, связанные с женщинами. Мать, жена, сестра... Он может мстить всем женщинам за одну.

— Или за себя, — добавил Круглов.

— Возможно.

Она посмотрела на небо — дождь кончился, но тучи висели низко, готовые разразиться снова. Часы показывали два часа дня. Ева не завтракала, не обедала, но есть не хотелось. Только пить — кофе, чёрный, без сахара.

— Капитан Круглов, у вас есть свободное помещение? — спросила она. — Я буду работать здесь несколько дней. Мне нужен стол, компьютер и доступ к вашей базе данных.

— Найдём.

— И ещё, — Ева помолчала. — Я хочу увидеть мужа. Не в отделе, а дома. Пусть он меня примет.

— Думаете, он что-то скрывает?

— Все что-то скрывают. Вопрос — что именно.

Они сели в машину. Круглов завёл двигатель, но не тронулся с места. Он смотрел на здание морга, потом перевёл взгляд на Еву.

— Вы похожи на отца, — сказал он вдруг. — Я имею в виду — по стилю. Горелов рассказывал, что ваш отец работал здесь. Я его не застал, но слышал, что он был хорошим следователем.

Ева замерла. Это была запретная тема. Она не любила говорить об отце — о том, как он застрелился из табельного оружия, оставив записку «Простите, не смог больше». О том, что Ева была первой, кто нашёл его тело. О том, что мать умерла через год от рака, как будто не захотела жить без него.

— Мой отец, — сказала она ледяным тоном, — был хорошим следователем и плохим человеком. Не путайте.

Круглов понял, что ляпнул лишнее, и замолчал. Он вывел машину на дорогу, повёз Еву обратно в отдел. Всю дорогу они молчали, и тишина была тяжелой, как бетонная плита.

Только когда они подъехали к зданию, Ева сказала:

— Вы знаете, капитан, я не ищу друзей. Я ищу убийцу. Если вы готовы работать со мной — работайте. Если нет — скажите сразу.

— Я готов, — ответил Круглов. — Но вы могли бы быть помягче.

— Мягкость убивает. Жёсткость спасает жизни.

Она вышла из машины и направилась к входу, не оглядываясь. Круглов посмотрел ей вслед, вздохнул и пошёл за ней.

В кабинете, который выделили Еве — маленьком, пыльном, с окном во двор — она села за стол, открыла ноутбук и начала составлять психологический портрет убийцы.

«Мужчина, возраст 30-50 лет, — писала она. — Образование выше среднего, возможно, медицинское. Имеет доступ к барбитуратам. Холост или разведён. Имел травмирующий опыт общения с женщиной, которая была жертвой насилия (мать, сестра, бывшая жена). Считает себя спасителем. Мак — символ сна и забвения — означает, что он хотел избавить жертву от страданий, а не наказать её».

Она остановилась, перечитала. Всё это были общие слова, гипотезы, которые нужно проверять. Не хватало главного — зацепки.

Ева закрыла ноутбук, подошла к окну. Во дворе играли дети — двое мальчишек гоняли мяч по лужам. Обычный день. Обычный город.

Но где-то в этом городе жил человек, который вчера ночью нёс красный мак к телу учительницы. Он шёл по улицам, которые Ева сегодня проехала. Возможно, он видел её машину. Возможно, он смотрел на неё сейчас из какого-то окна.

Ева подумала о сестре — Тамаре, пропавшей пять лет назад. О её светлых волосах, о её смехе, о том, как она умела успокаивать, просто положив руку на плечо. Тамара исчезла в похожем городе — не здесь, в другом, но таком же сером, забытом. Её тело не нашли.

— Я найду тебя, — прошептала Ева в стекло. — Или того, кто забрал тебя.

Но сейчас речь шла не о Тамаре. Сейчас речь шла об Ирине Морозовой, учительнице литературы, которая любила стихи и терпела побои двадцать лет. И о красном маке, который стал её эпитафией.

Ева вернулась к столу, открыла файл с делом. Внизу лежала фотография мужа — крупного, с тяжёлым взглядом. Она долго смотрела на него, пытаясь увидеть убийцу. Или жертву обстоятельств.

— Завтра, — сказала она себе. — Завтра вскрытие покажет правду.

А пока — только ночь, дождь и где-то за стеной голос Круглова, который о чём-то спорил с Гореловым. Спорили они о ней — Ева слышала обрывки фраз: «столичная штучка», «не доверяю», «пусть работает». Она усмехнулась.

Пусть работает. Она и будет работать.

Потому что красные маки не цветут просто так.

Они цветут там, где кто-то решил, что смерть лучше жизни.

Глава 4. Личная травма

Ночь в Заозёрном наступила рано. В шесть часов вечера уже темнело, фонари на улицах зажигались с неохотой, разбрасывая бледные пятна света на мокрый асфальт. Ева сидела в выделенном ей кабинете — маленькой клетушке с облупившейся краской на подоконнике и запахом мастики для пола. За окном давно стемнело, но она не зажигала верхний свет, только настольную лампу, которая выхватывала из темноты стопки бумаг и её собственные пальцы, сжимающие ручку.

Круглов ушёл час назад, оставив ей ключи от кабинета и свой личный номер телефона — «на случай, если что-то понадобится». Ева кивнула, но звонить не собиралась. Она привыкла работать одна. Одиночество было её союзником, её оружием, её проклятием.

Она разложила перед собой фотографии двух жертв — Ирины Морозовой и неизвестной женщины, найденной в фонтане. Вторую пока не опознали. Тело было в худшем состоянии — вода испортила лицо, и судмедэкспертам требовалось время для идентификации. Но поза была той же: руки вдоль тела, ладони вверх, глаза закрыты лепестками, на груди — мак.

Ева смотрела на эти снимки и чувствовала, как внутри поднимается знакомая, почти физическая боль. Не жалость — она давно запретила себе жалеть жертв. Жалость мешает работать. Боль была другой — глухой, пульсирующей, похожей на зубную. Она приходила всегда, когда Ева видела женщину, которую кто-то лишил выбора.

Потому что пять лет назад кто-то лишил выбора её сестру.

Ева отодвинула фотографии, достала из сумки небольшой блокнот в кожаном переплётё — личный, не служебный. Она открыла его на середине, где лежала закладка — старая, потрёпанная фотография. Две девушки на фоне реки. Тамара и Ева.

Тамаре тогда было тринадцать, Еве — десять. Они стояли на пирсе в посёлке, где проводили лето у бабушки. Тамара обнимала сестру за плечи, смеялась, ветер трепал её длинные русые волосы. Ева была худой, очкастой, прижималась к сестре, как к спасательному кругу. Она всегда прижималась. Тамара была её защитой, её стеной, её светом.

Фотография выцвела, края истёрлись. Ева провела пальцем по лицу сестры — такой живой, такой настоящей. И такой мёртвой.

Она резко захлопнула блокнот, убрала его в сумку. Не сейчас. Сейчас она должна думать о Морозовой, о неизвестной женщине из фонтана, о муже-тиране, о красном маке. А не о Тамаре.

Но мысли возвращались, как возвращаются каждую ночь, когда гаснет свет и в комнате остаётся только тишина.

Пять лет назад. Город Сосновка.

Ева сидела в прокуренном кабинете следователя Чайкина, человека с лицом, напоминавшим старую боксёрскую перчатку — разбитым, асимметричным, с вечно прищуренными глазами. Чайкин был лучшим в отделе по раскрытию пропаж. И сейчас он смотрел на Еву с выражением, которое она ненавидела больше всего — с жалостью.

— Вы уверены, что ваша сестра не уехала сама? — спросил он, перекладывая бумаги. — Может, ссора с мужем? Или с вами?

— У неё не было мужа, — ответила Ева. — И ссориться нам было не из-за чего.

— Друзья? Любовник?

— Она ни с кем не встречалась. Работала в библиотеке, жила одна.

Чайкин вздохнул. Он уже знал всё это — из заявления, из опросов, из показаний соседей. Тамара Стрельцова, двадцать восемь лет, библиотекарь, не замужем, детей нет. В последний раз её видели выходящей из подъезда в среду вечером. С тех пор — ни звонков, ни сообщений, ни движения по банковской карте.

— Ева Сергеевна, я понимаю ваше горе, — Чайкин старался говорить мягко, но его голос звучал как наждак. — Но прошло уже две недели. Мы проверили все больницы, морги, вокзалы. Ничего. Если человек не даёт о себе знать, возможно, он не хочет, чтобы его нашли.

— Вы считаете, она сбежала?

— Я считаю, что нужно рассматривать все версии. Возможно, она взяла отпуск и уехала отдохнуть. Возможно, встретила кого-то.

— Она бы позвонила, — сказала Ева. — Она всегда звонила. Мы созванивались каждый день. Каждый вечер, в девять. Она звонила мне, даже когда болела. А в тот вечер не позвонила. И на следующий день. И через неделю. И вы говорите мне про отпуск?

Чайкин промолчал. Он был слишком опытным, чтобы спорить с родственниками пропавших. Они всегда злые, всегда уверенные в самом худшем. И часто оказываются правы.

— Мы делаем всё возможное, — сказал он. — Но ресурсы ограничены. Сосновка — не Москва. Если через месяц ничего не найдём, дело придётся закрыть.

— Закрыть? — Ева вскочила. — Вы не можете закрыть дело, пока не найдёте её!

— Можем. По закону, если нет состава преступления, — Чайкин развёл руками. — Пропажу без вести — это не убийство. Пока нет доказательств насилия или похищения, мы не можем бесконечно держать дело открытым.

Ева тогда была молода — двадцать девять лет, старший оперуполномоченный по особо важным делам в областном управлении. Она уже раскрыла три громких дела, её хвалили в газетах, начальство прочило большое будущее. Но это не давало ей права требовать от Чайкина невозможного.

Она вышла из его кабинета с чувством, что земля уходит из-под ног. В коридоре отдела полиции Сосновки пахло хлоркой и страхом. Ева села на пластиковый стул, закрыла лицо руками. Впервые в жизни она не знала, что делать. Её профессия — искать преступников, допрашивать свидетелей, собирать улики — оказалась бесполезной, когда речь шла о её собственной крови.

В следующие три месяца она сама вела расследование. В свободное от работы время. В выходные. По ночам. Она опросила всех соседей Тамары, всех её коллег по библиотеке, всех, кто хоть раз видел её в городе. Она прочесала лесопарковую зону на окраине, куда Тамара иногда ходила гулять. Она проверила все заброшенные здания, подвалы, чердаки.

Ничего.

Тамара исчезла, словно её никогда и не было. Квартиру она не продавала, вещи не забирала, деньги со счёта не снимала. Единственное, что осталось — старая фотография на пирсе и голос в трубке автоответчика: «Привет, это Тамара. Я не могу ответить, оставьте сообщение».

Ева оставляла. Десятки сообщений. Сначала с надеждой, потом с мольбой, потом с отчаянием. В конце она просто молчала в трубку, слушая гудки.

Через четыре месяца Чайкин позвонил и сказал: «Дело закрыто. За отсутствием состава преступления. Примите соболезнования».

Ева не плакала. Она сидела на кухне своей однокомнатной квартиры в областном центре, смотрела на закат за окном и чувствовала, как внутри неё что-то умирает. Что-то важное, живое, что позволяло ей верить в справедливость.

Она больше не верила.

Она стала работать ещё жестче, ещё циничнее. Бралась за самые сложные дела, за серийные убийства, за ритуальные преступления. Она не спала ночами, пила литры кофе, курила пачками. Коллеги шептались за спиной: «Стрельцова с ума сошла», «Она же себя угробит», «У неё комплекс вины». Ева слышала, но не реагировала. Ей было всё равно.

Потому что она знала правду: это она виновата в исчезновении Тамары.

За три дня до исчезновения.

Они сидели на кухне у Тамары. Сестра приготовила ужин — овощное рагу и пирог с яблоками, который Ева обожала с детства. В маленькой квартире пахло корицей и теплом. За окном моросил дождь, по стеклу стекали капли, и в этом звуке было что-то уютное, домашнее.

— Ты что, опять не спишь? — спросила Тамара, разливая чай. — У тебя круги под глазами до колен.

— Работа, — коротко ответила Ева.

— Работа у тебя всегда. — Тамара поставила кружку перед сестрой. — Ты когда-нибудь отдыхаешь?

— Отдыхаю. Сплю иногда.

— Иногда — это не отдых. Тебе нужно в отпуск. Съезди к морю.

— Деньги нужны на другое.

Тамара посмотрела на неё внимательно, тем особенным взглядом, который всегда видел Еву насквозь.

— Ты боишься, — сказала она. — Боишься остановиться, потому что тогда всё навалится.

Ева промолчала. Она не любила, когда сестра копалась у неё в душе.

— Знаешь, — Тамара сделала глоток чая, — я тут подумала... Может, нам продать бабушкин дом? Деньги поделим, ты возьмёшь отпуск, а я... я, наверное, перееду.

— Куда переедешь?

— Не знаю. В другой город. Надоело здесь. Работа в библиотеке — не для меня. Хочется чего-то нового.

Ева удивилась. Тамара никогда не жаловалась на жизнь. Она была тихой, спокойной, довольной малым. И вдруг — переезд.

— Что-то случилось? — спросила Ева.

— Нет, ничего. — Но голос сестры дрогнул, и Ева заметила это. Заметила, но не стала давить. Она всегда не давила на Тамару, уважая её личное пространство. Сейчас она думала: если бы спросила тогда, если бы настояла, если бы вытянула правду — может, сестра была бы жива.

— Ладно, — сказала Ева. — Подумаем о доме. Только не сейчас. У меня в четверг важное заседание, потом созвонимся.

— Ты же ко мне в четверг придёшь? — спросила Тамара. — Как обычно, в девять?

— Приду. С тортом.

— Без торта. Лучше просто приходи.

Они обнялись. Тамара пахла яблоками и мятой — её любимым шампунем. Ева поцеловала сестру в щёку и ушла, не зная, что видит её в последний раз.

В четверг заседание затянулось. Ева вышла из кабинета только в десятом часу, уставшая, злая. Она набрала номер Тамары — не отвечает. Написала сообщение: «Тормознула на работе. Завтра приду». Через час — ещё одно: «Ты спишь? Перезвони». Ни ответа.

На следующий день она поехала к сестре. Квартира была заперта, но соседка сказала, что Тамара вчера вечером выходила и не возвращалась.

Ева тогда не запаниковала. Решила, что сестра ушла в гости или задержалась в библиотеке. Но через два дня, когда Тамара не пришла на работу и не отвечала на звонки, тревога стала невыносимой.

Она подала заявление. Чайкин завёл дело. И ничего не нашёл.

Ева винила себя. Если бы она пришла в четверг, как обещала, если бы не задержалась на этом дурацком заседании, если бы не была такой занятой, такой равнодушной — может, она успела бы. Успела бы что-то сделать. Успела бы спасти.

Она не успела.

Настоящее время. Заозёрный, поздний вечер.

Ева вздрогнула, когда в дверь постучали.

— Войдите, — сказала она, возвращаясь из прошлого.

Вошёл Круглов. Он был без кителя, в тёмном свитере, и выглядел почти гражданским.

— Ева Сергеевна, вы ещё здесь? Уже десять вечера.

— Я работаю, — сухо ответила она.

— Я вижу. — Он замялся. — Хотите, куплю вам кофе? Здесь есть круглосуточный магазин. Кофе там ужасный, но горячий.

Ева хотела отказаться, но почувствовала, как сильно болит голова. Она не пила ничего, кроме воды из кулера, с самого утра.

— Ладно, — сказала она. — Чёрный, без сахара.

Круглов кивнул и исчез. Вернулся через десять минут с двумя стаканчиками и пачкой печенья.

— Я не голодна, — сказала Ева.

— Вы не спали, не ели и, подозреваю, не пили нормальный кофе с обеда. — Он поставил стаканчик перед ней. — Не геройствуйте. От вас толку не будет, если вы упадёте в обморок.

Ева взяла кофе, сделала глоток. Он был горьким, обжигающим, отвратительным — но именно таким, как она любила.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Круглов сел на стул напротив, молча отпил из своего стаканчика. Некоторое время они сидели в тишине, и это было странно — непривычно, почти неуютно. Ева не любила тишину в компании. Тишина означала, что нужно говорить о чём-то личном.

— У вас есть семья? — спросил Круглов, нарушив молчание.

— Нет, — Ева даже не задумалась.

— А была?

— Капитан, вы ко мне пришли с допросом или с кофе?

— С кофе. — Он не обиделся. — Просто я подумал, что вы слишком много работаете, чтобы быть счастливой.

Ева усмехнулась.

— Счастье — не моя профессия.

— А какая ваша?

— Находить ответы.

Круглов посмотрел на неё долгим взглядом. В его глазах не было жалости — только любопытство. Ева это оценила.

— Знаете, — сказал он, — в Заозёрном все друг про друга всё знают. Это маленький город. Но про вас никто ничего не знает. Только что вы дочь Стрельцова и что вы из области. А почему вы согласились приехать к нам? Такие дела обычно поручают местным.

— Потому что Горелов попросил.

— Не только. Я видел, как вы смотрели на ту женщину в парке. Вы видели не просто тело.

Ева замерла. Рука сжала стаканчик так, что пластик затрещал.

— Что вы хотите услышать, капитан?

— Правду. Мы работаем вместе, а вы закрываетесь. Это мешает расследованию.

Она хотела огрызнуться, сказать что-то резкое, поставить его на место. Но вдруг почувствовала усталость — такую глубокую, что слова застряли в горле.

— Пять лет назад пропала моя сестра, — сказала Ева. — Тамара. Её не нашли. Дело закрыли. С тех пор я ищу её. Или хотя бы тех, кто её забрал.

Круглов молчал. Он не сказал «мне жаль», не предложил помощь. Просто кивнул.

— Поэтому вы занялись ритуальными убийствами? — спросил он.

— Поэтому я не могу пройти мимо женщины с маками на глазах. Потому что если бы кто-то так же не прошёл мимо моей сестры — может, она была бы жива.

Она сказала это и сама удивилась своей откровенности. Может быть, действовала усталость. Может быть, Круглов вызвал доверие — своей прямоотой, отсутствием фальши.

— Мы найдём этого убийцу, — сказал он. — А вашу сестру — тоже.

— Не обещайте того, чего не можете сделать, — резко ответила Ева. — Обещания убивают.

Она допила кофе, смяла стаканчик и бросила его в урну.

— Идите домой, капитан. Завтра будет тяжёлый день. Вскрытие в девять.

— А вы?

— Я ещё поработаю.

Круглов поднялся, надел куртку. На пороге он обернулся.

— Знаете, что мне сказал Горелов, когда я только пришёл на службу? «Если хочешь поймать убийцу, думай как убийца. Но если не хочешь сойти с ума — не забывай, кто ты есть». Вы забыли, Ева Сергеевна.

— Я не забыла, — тихо сказала она. — Я просто больше не знаю, кто я есть.

Он ушёл, закрыв за собой дверь. Ева осталась одна.

Она снова открыла блокнот, посмотрела на фотографию. Тамара улыбалась, обнимая её, маленькую, испуганную. Казалось, на снимке было всё, что у них было — любовь, защита, будущее. Которого не случилось.

— Я найду его, Тома, — прошептала Ева. — Найду того, кто делает это с женщинами. Даже если это будет стоить мне жизни.

Она убрала фотографию, взяла ручку и продолжила писать психологический портрет убийцы.

«Он действует из желания спасти. Он считает себя добрым палачом. Но в основе этого желания лежит ненависть — к себе или к тем, кто не смог защитить слабых. Скорее всего, он сам был свидетелем насилия в детстве. Или жертвой. Или близкий ему человек пострадал, а система не помогла. Поэтому он стал системой сам».

Она остановилась. В голову пришла мысль, от которой стало холодно.

«Что, если он тоже кого-то потерял? Что, если он тоже ищет искупление?»

Ева откинулась на спинку стула, закрыла глаза. Голова гудела, в висках стучало. За окном шумел ветер, где-то лаяла собака. Она чувствовала, как подступает бессонница — её вечный спутник.

Бессонница и боль. Два друга, которых она не выбирала, но которые никогда её не покидали.

Она подумала о завтрашнем вскрытии. О теле Ирины Морозовой. О красных маках, которые кто-то положил на её грудь, чтобы «усыпить» навсегда.

«Спи, — мысленно сказала она Ирине. — Спи, я за тебя поборюсь».

Но бороться придётся не только за Ирину. И не только за Тамару.

А за себя — ту, которая когда-то верила, что правда побеждает, что справедливость существует, что зло можно остановить. Ту маленькую девочку с фотографии, которая прижималась к сестре и ничего не боялась.

Та девочка умерла вместе с Тамарой.

Но Ева не хотела в это верить.

Она открыла глаза, посмотрела на фотографии убитых. И вдруг поняла, что смотрит на них не как на жертв, а как на зеркала. В каждой из этих женщин была частица её сестры. В каждой из них была частица её самой.

— Мы найдём его, — сказала она вслух, словно кто-то мог её услышать. — Клянусь.

Слова повисли в пустом кабинете. Никто не ответил. Только часы на стене тикали, отсчитывая время до нового дня, новых вопросов и, возможно, новых смертей.

Ева выключила лампу, села в темноте. Ей нужно было поспать хотя бы пару часов, но она знала, что не сможет. Сон не приходил к ней уже пять лет.

Вместо сна — воспоминания. Вместо отдыха — работа. Вместо жизни — охота.

Она достала телефон, набрала сообщение Круглову: «Завтра в 8:30 у морга. Не опаздывайте».

Через минуту пришёл ответ: «Не опоздаю. Спокойной ночи».

Ева усмехнулась. Спокойной ночи. Какая ирония.

Она закрыла глаза и позволила прошлому накрыть её с головой — как тёмной, ледяной водой. Сны не пришли. Но пришла Тамара — в памяти, в каждом вздохе, в каждом ударе сердца.

«Прости меня», — мысленно сказала Ева. — «Прости, что не пришла в четверг. Прости, что не дождала. Прости, что живу, а ты нет».

Тишина была ответом.

И красный мак, которого не было в этой комнате, казалось, цвёл где-то очень близко, источая горький, сладковатый запах забвения.

Ева не хотела забывать. Она хотела помнить. Помнить, чтобы найти. Найти, чтобы наказать.

Даже если ценой станет её собственная жизнь.

За окном завыл ветер. Начался новый дождь, и капли забарабанили по стеклу, как чьи-то шаги. Кто-то шёл по ночному городу. Может быть, убийца. Может быть, просто прохожий.

Ева не знала. Но она знала одно: завтра она сделает ещё один шаг к нему.

И он сделает шаг к ней.

Глава 5. Местные улики

Утро началось с того, что Ева забыла, где находится. Она открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок — чужой, с трещиной, идущей от люстры к углу. Пахло мастикой и старыми бумагами. Потом память вернулась: Заозёрный, отдел полиции, кабинет, выделенный ей на время расследования. Она уснула прямо за столом, положив голову на сложенные руки. Шея затекла, спина болела, а во рту было горько от вчерашнего кофе.

Ева посмотрела на часы — 7:15. Вскрытие в девять, но она хотела успеть в архив до того, как Горелов начнёт свою утреннюю планерку. Она достала из сумки влажные салфетки, протёрла лицо, привела в порядок волосы. Зеркала в кабинете не было, но она и без него знала, как выглядит: серые круги под глазами, бледная кожа, взгляд затравленной зверушки, которая слишком долго не спала.

«Ничего, — сказала она себе. — Жива и ладно».

Она вышла в коридор. В отделе уже было шумно — кто-то разговаривал по телефону, где-то стучали клавиши, пахло гречкой и котлетами из столовой на первом этаже. Ева прошла мимо дежурного, кивнула знакомому капитану и поднялась на второй этаж, к кабинету Горелова.

Полковник был на месте. Он сидел за столом, пил чай из кружки с надписью «Лучший начальник» и что-то читал в планшете. Увидев Еву, он отложил планшет и нахмурился.

— Вы ночевали здесь?

— Работала, — коротко ответила Ева. — Мне нужен доступ к архиву.

— К какому именно?

— К старым делам о домашнем насилии. За последние пять лет. Особенно те, где женщины забирали заявления.

Горелов крякнул, почесал затылок.

— Это много бумаги, Ева Сергеевна. У нас нет электронной базы по таким делам. Только картотека.

— Я знаю. Мне нужен помощник.

— Круглов вам поможет. — Горелов вздохнул. — Но сначала поешьте. Выглядите как смерть.

— Спасибо за комплимент, товарищ полковник.

— Это не комплимент. Это констатация факта. Идите в столовую, там сегодня нормальная каша. А я пока распоряжусь, чтобы вам подготовили архив.

Ева хотела возразить, но живот предательски заурчал. Она не ела со вчерашнего утра, если не считать печенья, которое принёс Круглов. Пришлось подчиниться.

Столовая находилась в подвале. Там пахло борщом, жареной печенью и дешёвым растворимым кофе. Ева взяла тарелку каши, бутерброд с сыром и стакан чая. Села за свободный столик в углу. Через минуту к ней подсел Круглов — тоже с подносом, на котором громоздились три бутерброда и большая кружка кофе.

— Доброе утро, — сказал он. — Выглядите...

— Знаю, как выгляжу, — перебила Ева. — Горелов уже сказал.

— Я хотел сказать «сосредоточенной». — Круглов улыбнулся. — Вы спали хоть немного?

— Два часа. Достаточно.

— Недостаточно. Но спорить бесполезно, я понял.

Они поели в тишине. Ева заставила себя проглотить кашу — она не чувствовала вкуса, но знала, что организму нужно топливо. Без сил она не сможет работать. А работать нужно много.

— Горелов сказал, вы хотите в архив, — нарушил молчание Круглов. — Я помогу. Но сначала скажите, что именно мы ищем.

Ева отодвинула пустую тарелку, достала блокнот.

— Две жертвы. Ирина Морозова и вторая, пока неопознанная. У обеих есть мужья. Обе обращались в полицию с заявлениями о домашнем насилии. Обе забирали заявления. Это общее. Я хочу проверить, были ли в Заозёрном другие женщины с такой же историей. И живы ли они.

— Думаете, убийца выбирал жертв по этому принципу?

— Думаю, что да. Он не случайный маньяк, убивающий ради удовольствия. У него есть система. Он выбирает женщин, которые молчали о насилии, которые забирали заявления, которые возвращались к своим мучителям. Он считает, что они предали себя. Или предали других. Круглов задумался.

— Но мужья имеют алиби. У Морозова — снотворное, он спал. У второго мужа — командировка. Мы проверили, он действительно был в другом городе.

— Значит, убийца не муж. Но он знал об этих женщинах. Знал об их заявлениях, об их боли. Откуда?

— Из полиции, — тихо сказал Круглов. — Кто-то из наших? У нас есть доступ к этим делам. Участковые, следователи, даже архивариусы.

— Или не из полиции, — возразила Ева. — Мужья могли рассказывать друзьям, соседям. Женщины могли жаловаться подругам, врачам, психологам. Или убийца работал в суде, в прокуратуре, в кризисном центре. Но я склоняюсь к версии, что он имеет доступ к медицинским документам.

— Почему?

— Потому что он использовал барбитураты. Это не кухонный нож и не верёвка. Это профессиональный препарат. Его достать сложно, если ты не работаешь в больнице или аптеке.

Круглов кивнул. Он допил кофе, смял стаканчик.

— Ладно, идём в архив. Это на первом этаже, в конце коридора. Там душно, пыльно и темно. Добро пожаловать в Заозёрный.

Архив оказался маленькой комнатой без окон, заставленной стеллажами с папками. Пахло плесенью и старостью. На столе лежала толстая книга учёта — рукописная, с выцветшими чернилами. За столом сидела пожилая женщина в очках, Лидия Михайловна, которая работала здесь, наверное, со дня основания отдела.

— Здравствуй, Дима, — сказала она Круглову, поднимая глаза от журнала. — А это кто с тобой?

— Ева Сергеевна, из области. Ей нужны дела о домашнем насилии за последние пять лет, где заявительницы забирали заявления.

Лидия Михайловна сняла очки, протёрла стёкла.

— Это много, — сказала она. — Очень много. У нас нет отдельной картотеки. Придётся поднимать все дела об административных правонарушениях и смотреть.

— Сколько времени это займёт? — спросила Ева.

— Если втроём — дня два. Если ты одна, — она кивнула на Еву, — неделю.

— У меня нет недели.

— Тогда ищите помощников.

Ева повернулась к Круглову.

— У вас есть стажёры? Практиканты? Люди, которые могут перебирать бумаги?

— Есть сержанты, — сказал Круглов. — Но они сейчас на патрулировании. Можем отозвать одного-двоих.

— Отзывайте. Я хочу, чтобы к вечеру у меня был список всех женщин, которые обращались в полицию с заявлениями о побоях и потом забирали их. За пять лет.

— Сделаем, — кивнул Круглов и вышел.

Лидия Михайловна посмотрела на Еву с любопытством.

— Вы как та ищейка, — сказала она. — Вцепились и не отпускаете.

— Это моя работа.

— Работа? — Старушка усмехнулась. — Я здесь тридцать пять лет, девонька. И поверь, ни одна работа не стоит того, чтобы умирать за ней. А вы умираете.

Ева не ответила. Она взяла с полки первую папку, открыла её и начала читать.

Первое дело, которое ей попало, датировалось четырьмя годами назад. Женщина, тридцать лет, мать двоих детей. Заявление о том, что муж ударил её по лицу и сломал нос. Приложена справка из травмпункта, фотографии — лицо распухшее, глаз заплыл. А ниже — заявление о прекращении дела в связи с примирением сторон. Резолюция участкового: «Отказ от госпитализации, заявление забрано».

Ева посмотрела на адрес. Женщина жила на улице Ленина, в том же доме, что и Морозова, только в другом подъезде.

— Вы знаете эту женщину? — спросила она Лидию Михайловну.

Старушка взяла папку, прочитала фамилию.

— Петрова Светлана. Да, знаю. Она живёт там до сих пор. Муж недавно сел за кражу, она работает уборщицей в школе. Бледная такая, худая. Её часто видят с синяками.

— Она жива?

— Жива, слава богу. Но я бы не сказала, что живёт. Так, существует.

Ева записала адрес и фамилию. Потом перешла к следующему делу. Ещё одна женщина. Ещё побои. Ещё заявление. Ещё примирение.

За час она нашла двенадцать дел. Двенадцать женщин, которые обращались в полицию, проходили медицинское освидетельствование, а потом забирали слова обратно. Двенадцать женщин, которые вернулись к тем, кто их бил.

«Это только за один год, — подумала Ева. — А сколько их вообще?»

Она открыла следующую папку, и её взгляд упал на знакомую фамилию.

Ирина Морозова. Первое заявление — 2019 год. Второе — 2021 год. Оба раза — примирение. Внизу аккуратным почерком приписано: «Муж характеризуется положительно, на учёте не состоит, злоупотребляет алкоголем эпизодически».

Ева перечитала показания Ирины, данные при первом обращении: «Ударил кулаком по лицу, толкнул, я упала и ударилась головой о косяк. Прошу принять меры». Через два дня — новое заявление: «Претензий не имею, помирились, прошу дело прекратить».

— Сколько раз можно прощать? — тихо спросила Ева у пустоты.

Лидия Михайловна услышала.

— Столько, сколько любят или боятся, — ответила она. — Мы, бабы, дуры. Верим, что изменится. Или боимся, что без него пропадём. Или стыдно перед соседями. Или дети. Всегда есть причина не уходить.

— Но не причина умирать, — сказала Ева.

— Иногда это одна и та же причина.

Ева отложила папку. В голове складывалась картина. Двенадцать женщин — только за один год. А если за пять? Шестьдесят? Восемьдесят? Сколько из них ещё живы? Сколько уже мертвы — от рук мужей, от болезней, от отчаяния? И сколько — от рук неизвестного, который кладёт им на грудь красный мак?

Её мысли прервал звонок телефона. Горелов.

— Ева Сергеевна, вскрытие через час. Вы будете?

— Да. Я в архиве. Сейчас приду.

— И захватите с собой Круглова. Он мне нужен для другого дела.

— Какого?

— Вторую жертву опознали. Это Елена Самохина, тридцать восемь лет, медсестра. Работала в районной больнице. Уволена полгода назад за прогулы.

Ева замерла.

— Медсестра? То есть имела доступ к медикаментам?

— Теоретически. Но мы проверяем. Приезжайте.

Она нажала отбой, повернулась к Лидии Михайловне.

— Елена Самохина. Бывшая медсестра. У вас есть её дело?

Старушка порылась в картотеке, достала тонкую папку.

— Было. В прошлом году её муж писал заявление, что она его избила. Смешно, да? Женщина бьёт мужчину? Но потом он забрал заявление. Сказал, что она была пьяна, и он не хочет её сажать.

— А она била его?

— Не знаю. Соседи говорили, что они оба пили и дрались. Семья — ад крошечный. Детей нет. Он ушёл от неё за два месяца до смерти. А она осталась одна. И вот — нашли в фонтане.

Ева взяла папку, быстро пролистала. Ничего особенного — стандартный протокол, стандартные показания. Но была одна деталь: в графе «место работы» значилась больница, отделение анестезиологии. Елена Самохина работала операционной медсестрой. У неё был доступ к наркотическим препаратам. В том числе к барбитуратам.

— Это ключ, — сказала Ева вслух. — Убийца знал, что она может достать снотворное. Или она сама его достала.

— Вы думаете, она сама себя убила? — удивилась Лидия Михайловна.

— Нет. Слишком чисто для самоубийства. Но она могла быть источником препаратов.

Ева закрыла папку, сунула её в сумку.

— Я пойду. Спасибо, Лидия Михайловна. Продолжайте искать дела. Вечером я вернусь.

— Хорошо, девонька. Но вы хоть поешьте нормально. У нас в столовой сегодня хороший борщ.

— Обязательно, — солгала Ева и вышла.

Вскрытие проходило в том же морге, где Ева была накануне. Борис Аркадьевич уже подготовил тело Ирины Морозовой — оно лежало на металлическом столе, накрытое простынёй. Рядом стоял столик с инструментами: скальпели, пила, зажимы, пробирки. Пахло формалином и чем-то сладковатым — возможно, разлагающейся кровью.

Ева вошла, надела перчатки, маску и халат. Круглов стоял в углу, бледный, но держался молодцом — не в первый раз на вскрытии, хотя и не любил их.

— Начинаем, — сказал Борис Аркадьевич. — Вы, Ева Сергеевна, будете ассистировать или наблюдать?

— Наблюдать.

Патологоанатом кивнул и откинул простыню.

Тело Ирины было бледным, почти восковым. На груди — след от большого маха, который лежал там несколько часов, оставив слабый красноватый отпечаток. Борис Аркадьевич сделал Y-образный разрез — от плеч до грудины, затем вниз до лобка. Кровь почти не текла — сердце уже не качало.

Ева смотрела, не отрываясь. Она видела десятки вскрытий, но каждый раз чувствовала одно и то же — святотатство. Вторжение в то, что должно остаться нетронутым. Но без этого нельзя. Правда прячется внутри.

— Лёгкие отёчные, — комментировал Борис Аркадьевич. — Сердце увеличено, но это гипертония, не криминал. Желудок пустой, если не считать следов снотворного.

— Какого именно? — спросила Ева.

— Барбитураты. Вероятно, фенобарбитал. Точнее скажет токсикология, но я ставлю на него.

— Фенобарбитал — это отпускаемый по рецепту препарат?

— Да, по рецепту. Но в больницах его используют реже, сейчас больше пропофол и другие препараты. Фенобарбитал — старое снотворное. Его можно найти в аптеках, если знать, где купить.

Ева задумалась. Старое снотворное — значит, убийца либо пожилой, либо работает со старыми запасами. Либо имеет доступ к аптечному складу.

— Исследуйте содержимое желудка, — сказала она. — Узнайте, когда именно она приняла снотворное — за сколько часов до смерти.

— Сделаем, — кивнул Борис Аркадьевич.

Он продолжал работать, извлекая органы, взвешивая их, записывая данные в протокол. Ева смотрела на его руки — уверенные, спокойные, почти ласковые. Он обращался с телом, как с больным, которого уже нельзя спасти, но можно понять.

— Борис Аркадьевич, — спросила она. — Вы работали с Ириной Морозовой при жизни?

— Нет. Я патологоанатом, я работаю с мёртвыми.

— Но вы могли видеть её в городе. Заозёрный маленький.

Он поднял голову, взглянул на неё поверх очков.

— Возможно, видел. Я не помню. Все люди похожи, когда живы. А когда умирают — каждый уникален.

Ева почувствовала, что он уходит от ответа. Но давить не стала.

Вскрытие длилось около двух часов. К концу Ева устала физически и морально. Когда Борис Аркадьевич зашивал тело, она вышла на улицу, сняла маску и глубоко вдохнула холодный воздух.

Круглов вышел за ней.

— Ну что? — спросил он. — Стало понятнее?

— Немного. Но больше вопросов.

Она посмотрела на здание морга. Из трубы шёл дым — сжигали какие-то отходы.

— Капитан, — сказала она. — Мне нужен полный список сотрудников больницы, у кого есть доступ к барбитуратам. Врачи, медсёстры, фельдшеры, аптекари. И список тех, кто был уволен или ушёл по собственному желанию за последние два года.

— Вы думаете, убийца — медик?

— Не обязательно. Но он имеет доступ к препаратам. И кое-что ещё. Он знает, где живут жертвы. Знает их привычки. Он местный. Он свой.

Круглов кивнул, записал в блокнот.

— А теперь я хочу поговорить с соседями Ирины Морозовой, — сказала Ева. — И с её коллегами. И с мужем. И со второй жертвой — с Еленой Самохиной, если у неё есть родственники.

— Вы не устали?

— Усталость — это роскошь, которую я не могу себе позволить.

Она села в машину, захлопнула дверь. Круглов за руль.

— Куда сначала?

— К дому Морозовых. Улица Ленина, пятнадцать.

Дом был старой пятиэтажкой, серой, облупившейся, с ободранными подъездами. Во дворе стояла детская площадка — качели без сидений, песочница, в которой вместо песка была грязь. Ева огляделась. Место, где живёт человек двадцать лет, где его бьют, где он плачет по ночам, а утром идёт учить детей литературе.

Она подошла к подъезду, нашла квартиру на втором этаже. Дверь была обита дерматином, с наклейкой «Продаю» — видимо, муж уже решил избавиться от квартиры. Ева позвонила.

Открыл Виктор Степанович Морозов. Он был трезв, но выглядел помятым — не спал, может быть, пил. На нём была старая футболка и тренировочные штаны.

— Вы? — он узнал Еву. — А где Круглов?

— Круглов в машине. Я хочу задать вам несколько вопросов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.